

ГРАМОТА ИВАНА ГРОЗНОГО СЫРЬЯНСКИМ УДМУРТАМ

Царствование Ивана IV Грозного стало временем культурного сближения Москвы с Вятской землей. Первое «путешествие» великорецкой иконы святителя Николая в Москву, разрешение царя строить первый монастырь на Вятке ознаменовали начало расцвета христианской культуры в этом северном крае. Было еще одно событие, которое можно поставить в один ряд с ними. В исторической науке оно, однако, оказалось в тени, практически не исследованным, но это не отменяет его исторической значимости. В 1557 г. Иван Грозный в ответ на челобитье сырьянских удмуртов посылает грамоту о крещении их в православную веру. Это был первый, по крайней мере, известный нам «анклав» христианской жизни среди языческого населения Вятско-Камского региона.

В настоящее время местонахождение оригинала грамоты не известно. Впервые она была опубликована священником Иоанном Кибардиным в «Вятских губернских ведомостях» в 1845 г. [Иоанн Кибардин]¹. Публикация небогата исследовательской мыслью, передает лишь известные автору данные о современном состоянии села, в котором к середине XIX в. проживали только русские крестьяне. Однако есть одно упоминание, которое дает пищу для размышлений. Сохранилось предание, что в приходе этого села любил останавливаться преподобный Трифон Вятский и устроил здесь небольшую часовню, «поднесь существующую с таковым незабвенным местным преданием к памяти основателя Вятской Успенской обители» [Иоанн Кибардин, с. 246]. Возникает вопрос: имело ли место влияние преподобного на духовную жизнь сырьянцев?

Более подробно грамота рассмотрена известным исследователем вятского миссионерства П. Н. Лупповым в его монографии «Христианство у вотяков со времени первых исторических известий до XIX века». Ученый впервые анализирует этот источник, делает весьма основательные выводы, с которыми не всегда можно согласиться и, прежде всего, по вопросу о мотивах принятия крещения. Общий вывод автора таков: удмурты просят царя креститься не в силу убеждения, но ради желания получить льготы в уплате государственных сборов [Луппов, 1899, с. 58]. После П. Н. Луппова не встречаем специального исследования, посвященного этой грамоте. Лишь изредка, в контексте рассмотрения какого-либо вопроса, данная грамота упоминается, но цельного исследования историческая наука еще не знает.

Первое, чему стоит уделить внимание, — это время обращения удмуртов к русскому царю. Сама грамота не указывает, когда они составили свое обращение. Известен лишь год ответного послания царя — «лета 7065» (1557 г.). При этом если учесть, что грамота написана после Казанской войны, то мы можем предположить ее временные рамки. Скорее всего, удмурты писали не ранее взятия Казани, то есть после 1552 г. До Казанской войны не встречаем ни одного факта крещения вятских удмуртов, хотя русские, исповедовавшие христианство, жили здесь уже достаточно давно, не менее трехсот лет. Даже если предположить, что единичные случаи крещения удмуртов все-таки были, то, во всяком случае, не было прецедентов их обращений к русским правителям. Итак, челобитная сырьянских удмуртов на принятие православной веры появляется во время напряженной восточной политики Московского государства. Отсюда возникает неизбежный вопрос: где источник вдохновения на принятие новой религии? Сделанные только что исторические выводы наводят на мысль о казанском влиянии. Если же посмотреть на карту расселения удмуртского народа на Вятской земле, то должно исключить это предположение.

¹ По всей видимости, при непосредственном участии священника Иоанна в Вятском губернском статистическом комитете, была сделана копия с этой грамоты. На данный момент эта копия находится в фонде Вятского губернского статистического комитета (Государственный архив Кировской области. Ф. 574. Оп. 8. Д. 4. Л. 1а–1 а об.)

Сырьянская волость располагалась на значительном удалении от большинства удмуртских и татарских сел и более всех приближалась к русским селениям. Миссионерские поездки из Казани на Вятку тогда были невозможны. Казанская кафедра основана только в 1555 г., и архиепископу Гурию вряд ли было под силу к тому времени организовать столь значительную миссию. В середине XIX века священник Игнатий Фармаковский писал, что «в ту пору Вятскую область отделяли от Казани непроходимые леса и поселения хищных племен татар и черемис» [Игнатий Фармаковский, с. 55].

Получается, что сырьянские удмурты могли узнать о христианстве лишь от русских, наиболее приближенных к их селу. П. Н. Луппов отрицал возможность совместного жительства русских с удмуртами ввиду того, что колонизация к тому времени не достигла еще столь больших размеров [Луппов, 1899, с. 57]. Вообще, историк сводит к минимуму возможность благотворного влияния русского населения на удмуртов в силу испорченности в нравственном отношении русских, а также злоупотреблений служилого класса, так что «русский элемент на Вятке в лице своих представителей... заявлял себя на первых порах пред вотяками с таких сторон, которые давали им основание составлять весьма невыгодное представление о христианстве» [Луппов, 1899, с. 53]. Вряд ли эта мысль является самостоятельной, скорее всего, она просто компилирует выводы, сделанные на заре изучения Вятского края. Заметим, что некоторые мысли П. Н. Луппова в точности повторяют фразы, собранные в «Материалах для истории Вятской епархии» 1863 г., причем без указания ссылок на них.

Еще в середине XV в. митрополит Иона, порицая вятское духовенство, говорит, между прочим, что вятчане «с погаными и с нечестивыми человеки совокупаются»². Под «погаными» стоит разуметь, конечно, языческое население, как в то время оно именовалось. Это свидетельствует о завязавшихся контактах двух народов. Имеющиеся у нас грамоты московских правителей также указывают на тесную связь русского и удмуртского населения. В 1540 г. от имени Ивана Грозного была послана грамота в Слободской городок, которая устанавливала выбор целовальников в станах, волостях и «в отяках»³. Наконец, в самой грамоте сырьянским удмуртам устанавливается, что «патронами» над новокрещеными должны стать вятчане Слободского городка Ивашка Бакулев и Федька Филиппов, кандидатуры которых предложили сами удмурты. Ивашка и Федька должны были удмуртов «беречи от всяких обид»⁴. О связи русских с удмуртами в рассматриваемое время говорит и то, что в XIX в. удмуртские женщины украшали свои одежды древними монетами московских государей, а также новгородскими деньгами [Бехтерев, с. 640].

С учетом удмуртских фамилий, указанных в грамоте, будет выглядеть более основательным предположение о тесных связях этого финского племени с русским населением. Фамилии Ортемов, Петров, Сенькин явно происходят от имен Артемий, Петр и Арсений. Фамилия Кочанов также имеет славянские корни и происходит, видимо, от слова «кочан». Вспоминая слова митрополита Ионы о том, что вятчане с «погаными и с нечестивыми человеки совокупаются», можно предположить о наличии брачных связей русских с удмуртами, вследствие чего у последних и могли появиться русские фамилии. Это может навести на предположение, что в удмуртской среде были факты принятия крещения, не сохранившиеся в источниках⁵.

² Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение к 2-му тому сборника «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881. С. 10–11.

³ Там же. С. 22–23.

⁴ Государственный архив Кировской области (далее — ГАКО). Ф. 574. Оп. 8. Д. 4. Л. 1а.

⁵ Причинами тому могли быть: вольность вятского духовенства, отсутствие тесных контактов с епархиальными центрами, слабая озабоченность точным исполнением канонических правил. Московский митрополит Геронтий писал: «Не вемы убо, како нарицати вас священники, и от кого имеете поставление и рукоположение» (Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. С. 13–14). Если глава Русской Церкви не знал о рукоположениях вятских священников, то вполне вероятно и то, что до него могли не доходить и другие данные, в том числе и сведения о крещениях язычников.

Нельзя не заметить и татарского влияния на удмуртские фамилии. Фамилия Исламов напрямую указывает на татарские корни в удмуртских семьях. Фамилии Сырчин и Шихалеев указывают на это лишь косвенно, так как первая хотя и тюркского происхождения, но вполне могла быть усвоена к тому времени русскими. Аналогично и фамилия Шихалеев, которую носили русские, хотя в ней присутствует явное арабское «аль». Но если и было татарское влияние, то тем более интересным становится факт обращения не к исламу, а к православию. О причине такого выбора, ввиду отсутствия источников, напрямую судить непросто. Есть лишь косвенные указания. В XVII в. удмурты заявляли: «а они татары не нашей веры», и еще: «а вера наша с ними разна» [Островская, с. 436, 438]. Причиной такого антагонизма было господское отношение татар к удмуртам, о чем будет сказано ниже.

Документы по истории распространения христианства начала XVIII в. помогают понять, каким образом удмурты узнавали о христианстве и приобщались к нему. Первые новокрещенные удмурты Верхочепецких долей⁶ в 1722–1723 г. указывали на причину крещения: «понеже мы живем при русских людех и при церкви Божией в самой близости и при той церкви из домов своих во время христианского моления бываем повсечасно, видехом, что христианская православная истинная святая вера, ведущая ко спасению души человеческой»⁷. Если учесть, что Сырьянская волость находилась примерно на таком же расстоянии от г. Слободского, как и удмуртские Верхочепецкие селения от русских Хлыновского уезда, то отпадают все сомнения относительно того, что сырьянцы познакомились с православием именно от русских слобожан.

Мысль о нравственной испорченности вятчан в описываемое время вряд ли можно принять без оговорок. Даже то, что христианство сохранялось на Вятской земле более трехсот лет, само по себе говорит о поддержании вятчанами благочестия. Строились храмы, совершались крестные ходы, установленные с древних времен, особо почитался образ святителя Николая Великоречецкого. «Они движимы были общим к вере усердием», — написал о вятчанах XVI в. А. Вештомов [Вештомов, с. 57]. Сохранившиеся наследственные грамоты показывают, что вятчане любили жертвовать свое имущество храмам, как это сделал Иосиф Трифанов в 1552 г. «в дом Михайлу архангилу, да Николе градскому»⁸. По ходатайству преподобного Трифона Вятского в Слободском городке был устроен монастырь, причем в грамоте патриарха Иова указывается, что «многие деи посадские люди и волостные крестьяне во ангельский чин постричься желают»⁹. Во всяком случае, были источники духовного вдохновения.

Теперь о содержании грамоты. Из ответа Ивана Грозного можно заключить, что сырьянские удмурты просили следующее: крестить их в православную веру, освободить от служб и всяких податей, поселить в особую слободу и беречь их от «всяких обид вятчаном слободского городка Ивашку Бакулеву да Федку Филипову». Со своей стороны удмурты обязывались строить церкви¹⁰.

Главный вопрос сводится к следующему: добровольным ли было принятие, то есть осознанным, с пониманием важности смены религиозных взглядов, или, как выражался законодатель XVIII в., «от какой нужды». П. Н. Луппов сомневался в искренности намерений сырьянских удмуртов. Историк полагал, что «побудительным обстоятельством, мотивом крещения» было желание облегчить свое социальное положение. Искренность он видел лишь

⁶ С конца XVII в. вятские удмурты были расселены в так называемых долях, которые представляли собой «подразделения» Чепецкого района Вятской земли. Эти доли населены были удмуртами, татарами и бесермянами. Среди южных удмуртов, чьи земли прилегали к Казанской области, деление на доли не известно. Более подробно см.: [Луппов, 1934, с. 29].

⁷ ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 14. Л. 1 об.

⁸ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. С. 24–25.

⁹ Там же. С. 45.

¹⁰ ГАКО. Ф. 574. Оп. 8. Д. 4. Л. 1а.

в том, что они были готовы понести расходы для новой религии. Но, признавая этот факт, П. Н. Луппов все же считает, что тем самым они хотели расположить царя к удовлетворению ходатайства о льготах [Луппов, 1899, с. 58]. Действительно, просьба об освобождении от царских сборов носит сугубо мирской характер, и есть в ней некий расчет. Вместе с тем удмурты обязывались строить церковь. И если само строительство храма не представляло трудностей¹¹, то его благоустройство, приобретение церковной утвари ложились определенным бременем на новокрещеных. Документы XVIII в. с убедительностью показывают, что новокрещенским приходам не вдруг и не сразу удавалось обустроить даже самый скромный храм, прибегая зачастую к займам и подписывая договоры подряда на роспись церкви¹². Удмурты не могли не знать¹³ и того, что в дальнейшем им предстояло содержать церковный причт, ибо в то время еще не сложилась практика выдачи государственного жалованья духовенству и оно содержалось местным приходом. Таким образом, финансовое бремя сохраняло свою актуальность.

Еще одно обстоятельство должно навести на мысль о добровольности принятия христианства. В середине XVI в. языческий мир удмуртов пребывал во всей крепости и нерушимости. Известно, насколько крепки были общинные связи в удмуртской жизни. «Без совета соседей у вотяка не обходится ни одно важное в его жизни дело», — писал В. Бехтерев в конце XIX в., в то время, когда под влиянием соседей, русских и татар, этот общинный быт (бускель) постепенно начинал расшатываться. В рассматриваемое нами время мы не можем предполагать каких-либо подвижек в этом быту, он был во всей своей силе. Материалы по истории крещения удмуртов XVIII в. показывают, что «присоединение вотяков к православной Церкви сопровождалось для них нередко стеснениями и обидами и от единоплеменников своих» [Игнатий Фармаковский, с. 63]. То, что сырьянские удмурты порывали все старые связи и устраивали жизнь на совершенно новых началах, говорит об осознанности такого шага.

Просьба удмуртов об установлении особого, автономного общественного строя и отделении от администрации в то время выглядела вполне естественно. Удмурты находились в сильной зависимости от татар и русских. Московское правительство отдало суд над удмуртами арским князьям, потомкам служилых татар. В 1546 г. Иван Грозный, жалую «арянам» поместья на Вятке, дал им также право суда и сбора пошлин над удмуртами¹⁴. Вятский историк А. Спицын весьма удачно определил новое положение финских племен: «вотяки попали из огня да в полымя» [Спицын, с. 54], то есть из-под власти русской администрации под власть татарской. Документы XVI и XVII в. свидетельствуют о том, что положение удмуртов действительно было непростым¹⁵. Ложные доносы, использование неграмотности удмуртов татарскими толмачами, держание в кабале вынуждали это финское племя обращаться прямо к царю и просить собственного суда. Таким образом, просьба выделить особый суд и оградиться от местной администрации выглядела как желание оградиться от злоупотреблений.

В ответ Иван Грозный дает льготу от уплаты всяких сборов на три года, выделяет особый суд «оприч душегубства и татьбы и разбой с поличным»¹⁶, определяет Ивашку Бакулева и Федьку Филипова поручителями во всех делах, обязует церковь «поставить»¹⁷. Это один из

¹¹ Первый храм был деревянный, а это значит, что сложностей с поиском строительного материала не должно было возникать ввиду обилия лесов. О том, что храм был деревянным, указано в сведениях об этом селе, собранных священником Иоанном Кибардиным [Иоанн Кибардин, с. 245].

¹² ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 4. Л. 77.

¹³ Мы не можем допустить мысли о том, что удмурты не были осведомлены об обязанности содержать церковный причт.

¹⁴ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. С. 22–23.

¹⁵ Эта тема подробно раскрыта в статье М. А. Островской [Островская]; см. также коллекцию из фондов Посольского приказа: РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 6 (1700 г.).

¹⁶ В данном случае имеются в виду наиболее тяжкие уголовные преступления.

¹⁷ ГАКО. Оп. 8. Д. 4. Л. 1а–1а об.

первых примеров установления льготы от уплаты налогов за принятие крещения. Но данная норма носит еще частноправовой характер, адресована непосредственно сырьянским удмуртам. Позднее, в XVIII в., такое положение прочно войдет в русское законодательство и будет носить уже публичный характер.

Особый интерес вызывает положение грамоты о призыве к крещению соседних народов: «или кого к себе призовут в Христианскую веру от луговых людей и во крещение приведут»¹⁸. Вряд ли в этих пожеланиях русского царя должно видеть миссионерский порыв. Это не призыв и даже не пожелание подвигнуть к миссии, но скорее соображение — на всякий случай, если приведут. Далее, непонятно, кто должен был проповедовать Слово Божие луговым людям. Нет упоминаний о священнике, хотя при церкви он должен был быть. Если проповедь должны были вести сами новокрещенные, то от них требовалось знание основ христианства, которые они могли получить, лишь находясь в постоянном общении с местным священником. Но нет также и намека на обучение новокрещенных. В этом более всего сказывается неопределенность относительно просвещения нерусского населения Вятки и даже незаинтересованность московского правительства в этом. Тогда русского царя преимущественно занимал казанский вопрос. Политический интерес перекрывал нужды христианского просвещения.

Что стало в дальнейшем с этим новокрещеным «оазисом», неизвестно. В XIX в. в Сырьянском селе проживали только русские крестьяне. Возможно, как предполагал П. Н. Луппов, удмурты либо были ассимилированы русскими, либо ушли из этого села и основали новое под названием Шихалеево, по имени одного из удмуртов, упоминаемого в грамоте Ивана Грозного. В XIX в. это село находилось недалеко от Сырьянского [Луппов, 1899, с. 59]. Сырьянский приход в таком смысле не был исключением в истории русской православной миссии того времени. При царе Михаиле Федоровиче в Нарымском уезде была целая деревня из новокрещенных остяков. Но церкви в ней не было, и новокрещенные должны были ездить за несколько верст в г. Нарым, так что и этот «христианский оазис... сам скоро изсяк от недостатка питания» [Буцинский, с. 5]. Но в отличие от нарымского оазиса в селе Сырьянском церковь была. В грамоте царя Федора Иоанновича указывается на дачу по просьбе преподобного Трифона земель «повыше Николы Сырьянского»¹⁹. Здесь видим не только наличие церкви святителя Николая, но и некоторую связь с Успенским Трифоновым монастырем. Возможно, неслучайно появилось предание о пребывании здесь преподобного Трифона Вятского и основании им часовни. Но на вопрос о наличии или отсутствии влияния преподобного Трифона на новокрещенных сырьянцев, а также о том, куда «пропали» эти новокрещенные, историческая наука пока не ответила.

Литература

Бехтерев В. Вотяки, их история и современное состояние // Вестник Европы. СПб., 1880. Т. 84. С. 621–654.

Буцинский П. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893.

Вештомов А. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества или с 1181 по 1781 год через 600 лет. Казань, 1907.

Игнатий Фармаковский, священник. Материалы для истории Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 2. С. 46–63.

Иоанн Кибардин, священник. Сырьянско-Николаевское село // Вятские губернские ведомости. 1845. № 37 (отдел неофициальный). С. 243–246.

Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий до XIX века. СПб., 1899.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. С. 42.

Луппов П. Н. Северные удмурты в конце XVII века. Опыт изучения переписной книги 1678 г. // Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения. Вятка, 1934. Т. VII. Вып. 1. С. 2–24

Островская М. А. Из истории вятских инородцев // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. 1912. Год. Т. XXVIII. Вып. 4–5. С. 417–447.

Спицын А. Местное и областное управление на Вятке до XVIII века. К истории вятских инородцев. Вятка, 1888.